

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей Самаров

ПРИГОВОРЕННЫЙ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Приговоренный

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Приговоренный / С. В. Самаров — «Автор», 2017 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-699-98589-0

В состоянии аффекта капитан ГРУ Максим Онучин застрелил наркоторговца, пытавшегося продать героин его солдатам. На офицера завели уголовное дело, ему грозит серьезный тюремный срок. Претензии к Максиму есть и у наркодиллеров: с места преступления пропал рюкзак с товаром на очень крупную сумму. Онучин понимает, что оказался между двух огней и помощи ждать неоткуда. Продажные следователи готовятся чужими руками убрать Максима «при попытке к бегству». Но боевые товарищи капитана ликвидируют киллеров и помогают ему вырваться на свободу, чтобы вместе вступить в смертельную схватку с торговцами смертью.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98589-0

© Самаров С. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Самаров

Приговоренный

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

Ситуация была элементарная до безобразия. Проще и придумать нельзя. Вернее сказать, началась она именно так. Потом только усложнилась.

Капитан Слава Полуэктов был командиром автороты при нашем сводном отряде спецназа ГРУ, действовавшем на Северном Кавказе. Он носил нарукавную эмблему с надписью «ВС РФ. Военная разведка» и с изображением летучей мыши на фоне земного шара, но к спецназу, откровенно говоря, никакого отношения не имел. Я молчу о прыжках с парашютом или о других видах десантирования, об опыте рукопашного боя. Он даже традиционный пятидесятикилометровый марш-бросок преодолевал скорее всего только за рулем автомобиля или вообще сидя рядом с водителем. Хотя, кажется, ездил время от времени со своей ротой на стрельбище и умел держать в руках автомат.

Слава окончил когда-то военный автомобильный институт, где курсанты навыков разведывательной работы, понятное дело, не получали. Я нисколько не сомневался в том, что он неплохо разбирался в своем деле. Доказательством тому служил тот факт, что автомобили и бронетехника никогда не подводили нас.

Капитан Полуэктов был одним из немногих постоянных офицеров сводного отряда. Нас, спецназовцев, обычно прикомандировывали к нему на полгода, иногда вообще только на срок выполнения конкретной операции, как правило довольно короткий. На постоянной основе здесь служили лишь несколько офицеров. Это начальник шифровального отделения, которому требовалось несколько дней, если не целая неделя только для передачи сменщику всех своих хитрых дел, документации и техники. Или начальник складов, которого нельзя было заменить без проведения ревизии, которая затянулась бы минимум на месяц. Не было особого смысла переводить куда-то и Славу, командира автороты.

Все эти офицеры с семьями проживали в поселке, находящемся рядом с военным городком, или в Махачкале, расположенной недалеко. Оттуда они каждое утро приезжали на службу на специальном автобусе в сопровождении бронетранспортера.

Я с одним взводом своей роты возвращался с операции и сидел в кабине грузовика. По звуку мне показалось, что двигатель, как говорится, троит. Что-то не то с цилиндрами. Сам заядлый автомобилист, я не мог не обратить на это внимания водителя.

В ответ тот пожал плечами и заявил:

– Машина не за мной закреплена. Штатный водитель болеет. Меня только на один рейс на нее посадили. Это надо командиру роты говорить.

Когда вернулись, я в гараже заглянул в закуток, где сидел капитан Полуэктов, дождался, когда тот закончит разговор по телефону, и сказал что хотел.

Слава мрачно посмотрел на столешницу, избегая встречаться со мной взглядом, и сообщил:

– Водитель в санчасти. В тяжелом состоянии. В реанимации. Я как раз сейчас с врачом говорил. Но машину, конечно, прикажу посмотреть.

– А что с водителем? – не особо интересуясь, просто машинально спросил я.

– Да, понимаешь, парень раньше травку покуривал. Я его уж и в механики на два месяца переводил, потом, из-за нехватки водителей, снова за руль посадил. Да, клялся-божился, что больше не будет. А тут сразу передозировка. Врач говорит, что героин. Знать бы, где берут, кто поставляет. Мне офицеры говорили, что время от времени в умывальнике находили шприцы с кровью. Выявить бы поставщика. Сам автомат взял и пристрелил бы! А потом будь что будет.

Это говорил капитан автороты, автомобилист, не имеющий характера спецназовца. Но я поверил, что он был в состоянии не только сказать так, но и сделать.

Разговор этот вспомнился мне через полтора месяца. Тогда я с двумя взводами своей роты возвращался из отдаленного района республики, с самой административной границы с Чечней. Мы оцепили там лес, который прочесывали местные менты-спецназовцы.

Тракторист из ближайшего села сообщил, что видел в лесу троих вооруженных длиннобородых людей. Время терять было нельзя. У местных ментов не хватало людей для полноценного оцепления леса. Поэтому они обратились и в соседний район, и к нам в сводный отряд.

На задание послали меня во главе двух взводов.

В лесу менты никого не нашли, но это дело было привычным. Бандиты, если они там вообще были, могли уже перебраться куда угодно, спрятаться в хорошо замаскированной норе. Укрываться они умеют.

Когда менты прошли лес насквозь и встретились с нами, нам было предложено возвращаться. Транспорт нас ждал.

Примерно на половине дороги в обратную сторону водитель моей машины сообщил, что требуется заправка. Как раз неподалеку была бензоколонка.

Грузовики вообще отличаются прожорливостью. Обычно они под завязку заливаются прямо в гараже нашей автороты, но когда выпадает дальняя дорога, водители получают наличные для заправки. Для отчета требуется только предъявить чек, на котором начальник колонны – в данном случае я – должен поставить свою подпись.

Как полагается по армейским правилам, водители высадили солдат на обочине дороги и загнали машины на заправку. Я отошел в сторону и опустил на камень. После мягкого кресла «КамАЗа», от которого тоже устаешь, приятно было посидеть на жестком.

Я смотрел в сторону, услышал за спиной какие-то крики, обернулся и увидел довольно любопытное кино. Двое моих сержантов весьма квалифицированно избивали какого-то местного парня. Они обрабатывали его так, чтобы много следов не осталось, тем не менее этому человеку пришлось бы худо.

Парень пропустил несколько жестких тычков по почкам, после которых он наверняка будет по ночам мочиться в постель. Потом он схлопотал пару конкретных ударов ногой в низ живота.

Участники уличных драк всегда стремятся врезать противнику в пах. Это очень болезненно, но несмертельно. А вот удар носком тяжелого солдатского берца чуть выше лобковой кости заставляет лопнуть мочевого пузыря.

Мужчина обычно, несмотря на кровь в моче, стесняется обратиться к врачу с такими болячками. Доктор в состоянии помочь только в течение первых суток. На вторые уже не в состоянии выручить даже хирургическая операция. На третьи сутки после получения удара человек умирает.

Этот удар спецы часто называют отложенной смертью. На то, чтобы нанести его, нужна важная причина или отъявленная жестокость. Однако я точно знал, что такой степенью садизма никто из бойцов моей роты не страдал.

Я прикрикнул на этих героев, заставил их остановиться и подошел.

Мои спецназовцы за что-то не по-детски разозлились на местного жителя, парня лет двадцати пяти, может, чуть моложе или старше. Традиционная кавказская небритость мешала мне точно определить его возраст.

Когда мои ребята его били, он еще держался на ногах, хотя и болтался из стороны в сторону, как сосиска, нанизанная на вилку. Я сам обучал этих сержантов рукопашному бою и твердо знал, что им не стоило труда уложить его с одного замаха. Но они не торопились с этим, намеренно били парня так, чтобы он подольше держался на ногах. Так можно было нанести ему больше увечий.

При моем приближении он упал на колени и закрыл ладонями низ живота.

– Что случилось? – спросил я.

– Этот мерзавец наркоту хотел солдатам продать! – объяснил старший сержант Горюнов.

– Какую наркоту? – строго уточнил я.

– А вот эту самую. – Старший сержант показал мне два пластиковых пакетика.

Один побольше, с сухой травкой, другой поменьше, с порошком, слегка отливающим желтизной. Объяснять, что это такое, мне не требовалось.

– На выбор, кому что больше по душе. Конопля и героин, – заявил сержант Лаптев, лучший в роте боец-рукопашник.

От здания автозаправочной станции к нам уже бежал низкорослый кривоногий мент, который, видимо, дежурил там. В руках у него был автомат.

Сперва я увидел его, потом шагнул к избитому парню и спросил:

– Ты солдат моих, значит, отравить хочешь?

Тут-то мне и вспомнился капитан Полуэктов. Мысли каким-то тяжелым, красным, горячим валом хлынули в голову. Даже глазам стало больно.

Я не знал, сумели ли доктора поставить на ноги того солдата-водителя после передозировки. Но сразу представил себе, как с таким же диагнозом попадает в реанимацию кто-то из солдат моей роты. У нас в умывальнике шприцы пока еще никто не находил, но угроза была вполне реальной.

Я посмотрел на мента, который бежал в нашу сторону с автоматом в руках. В глазах у меня вдруг потемнело, словно начались сумерки. Кровь ударила в голову. Я сделал еще один шаг в сторону местного парня, стоявшего на коленях, приставил к его голове автоматный ствол и дал очередь, совсем короткую, в два патрона.

– Зря вы, товарищ капитан, – сказал старший сержант Горюнов. – Он и сам через пару дней под забором подох бы. Мы работали старательно, с чувством, с толком.

Ночью дневальный, присланный дежурным по части, поднял меня с казарменной жесткой постели и сказал, что я должен немедленно прибыть в кабинет начальника штаба сводного отряда. Я шел через военный городок и чувствовал, что кто-то держит меня на прицеле. Так оно, наверное, и было.

Осуществляли мое задержание люди из спецназа ФСБ, битком набившиеся в кабинет начальника штаба. Представители других силовых структур, видимо, не решились повязать офицера спецназа ГРУ там, где размещались его подчиненные, боялись, что никогда не вернутся оттуда. Никто не знал, как поведут себя солдаты при попытке задержать их командира.

ФСБ – организация серьезная, хотя сотрудники этой конторы тоже перестраховывались. Я понял это еще по пути в штабной корпус, когда меня из темноты сопровождали наставленные стволы.

Видимо, какую-то уверенность моим оппонентам придавало согласие начальника штаба на мое задержание. Потом он говорил мне, что посчитал все это происшествие каким-то недоразумением, которое вот-вот само собой разрешится. Я же не поставил его в известность о происшествии, написал рапорт, но передать не смог, поскольку к моменту нашего приезда начальника штаба в кабинете уже не было.

Сразу же после задержания, еще в ночное время, меня доставили в суд. Там сидел дежурный судья, который сразу и без всяких сомнений оформил арест. До этого офицеры спецназа ФСБ, среди которых почему-то не оказалось ни одного моего знакомого, участника многочисленных совместных боевых операций, передали меня с рук на руки простым вертухаям. Под роспись, прямо во дворе Следственного комитета, перед распахнутой дверцей автозака.

Из этого я сделал вывод, что следствие по факту убийства наркоторговца будут вести местные, республиканские структуры. Этот вариант показался далеко не самым лучшим. Но меня никто не спрашивал, с кем я желал бы иметь дело.

Я почему-то думал, что меня передадут военному Следственному комитету. До меня только потом дошло, что органы подобного рода умеют между собой договариваться. Время от времени они делят функции. Это зависит от того, кто именно вышел на конкретное уголовное дело.

Особенно просто было сделать так в национальной республике. Здесь, как в Средние века, царит клановость. Многие, если не все, решают родственные и финансовые отношения.

Уже на первом допросе, который проводился в ту же ночь, еще до оформления ареста на судебном заседании, следователь в синем мундире с погонами подполковника показал мне два пакетика, которые прежде держал в руке старший сержант Горюнов. Может быть, и не те самые, но ничем не отличимые от них, явно из той же партии.

– Это что? – спросил он меня настолько строго, что я невольно посмотрел на вторую руку следователя.

Нет ли в ней кирпича, которым он ударит меня в ухо после любого ответа на свой вопрос?

– Наркотики. Травка и героин.

– А вот наши эксперты говорят, что наркотиками здесь и не пахнет. Трава сорвана под каким-то деревом. Скорее всего где-то рядом с домом, потому что имеет примесь кошачьей мочи, высушена вместе с ней. А порошок – вовсе не героин. Им зубы чистят. В него только чуть-чуть краски для желтизны добавлено. Улавливаешь, капитан?

У меня сразу же появилась интересная мысль. Если это те же самые два пакетика, то забрать их у старшего сержанта Горюнова следователи могли только после моего задержания. Никак не раньше. Провести анализ и сделать заключение эксперт еще просто физически не успел бы. Даже если это другие пакетики, которые наверняка имелись у торговца наркотой, убитого мною, то ситуация несколько не менялась. Красивые подробности про кошачью мочу выдуманы прямо сейчас и добавлены для пущей убедительности. С ними эта история выглядела куда более правдоподобно.

Но это утверждение следователя дало мне повод подумать о том, как, по какому направлению двинется следствие. Я понял, что обвинять меня будут в преднамеренном убийстве, видимо, при отягчающих обстоятельствах, к которым отнесут предварительное избиение.

С этим я мог бы частично согласиться. Убил я распространителя отравы преднамеренно, хотя и пребывал в состоянии аффекта. Но поворот, который следователь желал дать делу, был для меня, признаюсь, неожиданным. Главное, непонятным.

– Вы хотите сказать, товарищ подполковник, что этот парень, наркоторговец, работал под цыгана? Я слышал, что они так делают. Продают фальшивые наркотики. Деньги берут, а если попадутся, то обвинить их бывает невозможно. Разве что в мошенничестве. Но это для цыган привычная статья. Она далеко не такая суровая.

– Я не знаю, как цыгане работают. Мне известно только то, что ты, капитан, ни за что застрелил человека.

Мне нужно было собраться с мыслями, как-то классифицировать все эти события, чтобы сделать выводы хотя бы для себя. Еще желательно было бы выслушать совет хорошего адвоката. Вовсе не того, которого в суде назначают. Обычно спецназ ГРУ оплачивал своим офицерам, если требовалось, услуги таких вот людей. Помнится, наш офицер изуродовал на улице трех пьяных хулиганов. Мы тогда всей бригадой сбрасывались ему на адвоката.

Поэтому я спросил:

– А адвоката вы мне, товарищ подполковник, не желаете пригласить?

– Боюсь, адвокат мне, а не тебе понадобится, – визгливо ответил он и показал тяжеленный кулак. – Но он у меня всегда с собой.

Я в ответ только громко зевнул. Нет, я вовсе не показывал этим свое отношение к следователю. Просто подняли меня раньше времени, выспаться не дали. Организм требует отдыха. Оттого и зеваю.

Но подполковник, видимо, понял это иначе. Мою зевоту он расценил как личностное оскорбление, плевков в его чрезвычайно нежную следственную душу.

Этот тип показывал мне правый кулак, а ударить пожелал с левой руки. Я был готов к чему-то в этом роде, поэтому среагировал без труда. Да и сам удар был недостаточно резким, хотя и наносился всей тяжестью его тела. Это без малого центнер. По моим прикидкам, никак не меньше девяноста семи килограммов. В определении веса противника я никогда не ошибаюсь.

Мой стул стоял у стенки, на кистях были наручники. Поэтому тот прием, который у нас в спецназе называется перебором, мне пришлось делать двумя руками. По классике жанра он выполняется одной, вернее, обеими поочередно, когда удары сыплются один за другим.

Я подправил его руку, сбил ее с направления движения влево от себя и слегка отклонил голову вправо. По замыслу подполковника, после знакомства с его кулаком я должен был бы затылком удариться о жесткую бетонную стену, слегка прикрытую побелкой, но от этого не ставшую мягкой.

Вместо этого получилось так, что он со всей своей немалой, наверное, силы врезал кулаком в бетон стены. Я подумал, что если в соседнем кабинете что-то висело на стене, то эта штука непременно должна была бы свалиться. Мне почему-то привиделись часы с кукушкой. А если у стены стоял, предположим, тяжеленный металлический несгораемый шкаф, такой же, как в кабинете, где меня сейчас допрашивали, то он должен был опрокинуться на дверцы.

После удара подполковник завопил благим матом. Два вертухая, доставивших меня на допрос, не слышали звонка, вызывавшего их, но все равно тут же ворвались в кабинет с пистолетами на изготовку и остановились в растерянности. Я по-прежнему сидел там же, куда меня сразу и пристроили, весь из себя спокойный и невозмутимый.

Подполковник упал на колени прямо передо мной и орал что-то нечленораздельное. Вертухаям сразу трудно было понять, что следователь зажимал другой рукой кисть, как минимум сильно ушибленную, а то и раздробленную. Они могли бы подумать, что он передо мной на коленях валяется и руки при этом к груди прикладывает, словно желает доказать свою искренность.

Если бы не вопли подполковника, то вертухаи так и подумали бы. Но они быстро сообразили, что на коленях можно только каяться и умолять. Когда люди это делают, они так не вопят, тем более не матерятся так изошренно.

Поэтому один из них направил на меня пистолет, забыв снять его с предохранителя. Второй же попытался поднять тяжеловесного подполковника, что было ему одному явно не по силам. Я помочь не пожелал, поскольку меня об этом не просили.

Вертухаи были из местных, разговаривали с подполковником на своем языке. Я не был полиглотом и не сумел понять, о чем шла речь.

Наконец-то следователь понял, что боли давно пора бы и утихнуть. Он проявил незаурядное мужество и разрешил вертухаю себя поднять.

Я же продолжал сидеть как ни в чем не бывало и даже не смотрел на пистолет, не подготовленный к стрельбе. Второй вертухай держал его так близко от моих рук, что мне ничего не стоило бы вырубить его самого, схватить оружие опять двумя руками и опустить предохранитель. Потом я мог бы заставить первого вертухая бросить следователя на пол, в веселом зажигательном национальном танце потоптать его ногами, а потом передать мне ключи от наручников.

Впрочем, я справился бы с браслетами и без ключей, просто взял бы скрепку из кучи документов, громоздившейся на столе подполковника. Этой проволоочки мне вполне хватило бы для выполнения нужного действия.

Но я тогда все еще не понимал всей сложности своего положения. Поэтому ничего не предпринял для освобождения, хотя необходимые навыки имел. Не просто же так я со своими солдатами отрабатывал варианты освобождения из плена. Но пока я об этом даже не вспоминал, не пошел на свободу по трупам, хотя по большому счету скорее всего должен был это сделать. При этом я слепо верил, что отцы-командиры не бросят меня на произвол судьбы, что-то предпримут для моего освобождения.

За зарешеченным окном кабинета следователя была ночь. Самое подходящее время, чтобы покинуть здание и скрыться в темноте. Решетка была прибита гвоздями в оконной раме. Она преградой быть не может, вместе с рамой вылетит от удара ноги.

А третий этаж – это не страшно. Все уже отработано и опробовано. Вот четвертый, это, признаюсь, было бы высокогато.

Однако я хотел прояснить текущую ситуацию, поэтому пока ничего не предпринимал. Хотя и оставлял за собой это право.

Прояснить ситуацию в первую очередь надо было для самого себя. Если разобраться, эта задача являлась для меня главной.

Убийство было совершено? Да, было. Хотя внешне оно напоминало расстрел. Обвинить меня можно было только в том, что я присвоил себе право и выносить приговор, и приводить его в исполнение.

Но в бою я всегда имел такое право! В данном случае я тоже участвовал в схватке с недобряками, которые убивали других людей, по сути дела, с такими же бандитами, только носящими при себе оружие иного рода. Наркотики – это отложенное убийство, точно такое же, как удар носком башмака в нижнюю часть живота.

Убийца известен? Да, известен. Это я. Я не собирался отказываться, не намеревался вилить хвостом. Я привык вести себя по-мужски в самых сложных ситуациях. Я убил продавца наркотиков, подонка, который менял деньги на человеческие жизни, застрелил преступника, которого сам же и приговорил. Я стал победителем в этой маленькой войне и ни в чем не раскаивался, даже гордился тем, что совершил.

Да, в бою с бандитами мои погоны – это своего рода лицензия на убийство. Продавец наркотиков для меня точно такой же бандит, как и те, которые прячутся в горах и лесах.

Только вот подполковник из Следственного комитета желал убедить меня в том, что тот парень не наркотики продавал, а просто обманывал солдат. Он был всего лишь мелким мошенником. Подполковник не имел времени на проведение экспертизы, хотел голословно уверить меня в этом.

Только вот мне было не совсем понятно, какую цель преследовал этот тип. За всем этим что-то крылось. Я хотел узнать, что именно, поэтому решил, что совершать побег рано.

Тут раздался короткий, но громкий стук в дверь. Потом она открылась, в кабинет вошел человек в синем мундире с генеральскими погонами и в брюках с лампасами. В руках он держал часы, из которых без конца выскакивала кукушка и куковала.

– Что тут у вас происходит? – спросил генерал, посмотрел на мой офицерский полевой мундир, оценил нарукавную эмблему спецназа ГРУ, потом глянул и на наручники.

После этого он шагнул вперед и положил на стол часы, кукушка в которых продолжала высываться из своего окошка и настойчиво куковала. Какой-то механизм в часах заело.

Вертухай и подполковник вытянулись по стойке смирно и стали похожи на оловянных солдатиков.

Я продолжал сидеть вовсе не из неуважения к субординации, а просто потому, что мой статус резко изменился. По большому счету с той самой секунды, как на меня надели наруч-

ники, я перестал быть капитаном спецназа ГРУ, стал просто подозреваемым. Я еще не знал, как должен вести себя такой вот персонаж при виде генерала Следственного комитета. Мне просто никто не успел этого объяснить.

– Повторяю вопрос! Что тут происходит? – сердито проговорил генерал. – Сначала стену чуть не проббили, часы мои уронили и сломали, потом вопли какие-то дикие...

– Допрос задержанного, товарищ генерал, – робко сказал подполковник.

– А при чем здесь мои часы? Мне их на юбилей подарили. Вот что! Чтобы завтра же отремонтированные часы были у меня! Я ясно объяснил?

– Так точно, товарищ генерал. Отремонтирую и принесу. Лично доставлю.

Генерал фыркнул по-кошачьи, развернулся и вышел. Но походка у него была совсем не как у кота, скорее как у курицы.

Дверь за генералом закрылась.

– Кто ж знал, что он и ночью здесь! – сказал, как выругался, следовательно, посмотрел на свои наручные часы и дал команду вертухаям: – Все! Машина у вас внизу?

– Внизу, товарищ подполковник. Ждет.

– В суд его везите. Будем арест оформлять. Я следом за вами приеду. Сделаем бумаги, потом в камеру.

Вопрос ареста с судьей, как я догадался, был согласован по телефону и не вызывал у следователя никаких сомнений.

С порога я обернулся и увидел, как следователь старательно рисует фломастером розовую диагональную полосу на единственной странице, подшитой в папку с уголовным делом. Оказывается, у них все как у людей. Когда мы передаем следственным органам некоторых пленных, тоже порой чертим на документе розовую диагональ. Она означает: «Особо опасен. Имеет склонность к побегу».

Я своей склонности пока еще не продемонстрировал. Но когда-то это обязательно произойдет.

На суде я не отрекался от своей вины, подтвердил, что совершил убийство. Мерой пресечения мне был назначен арест, сразу и безоговорочно, без всяких вопросов о мотивах. Потом меня отправили в следственный изолятор.

Я, конечно, не понял, зачем со мной отправился давешний следователь. Кисть у него распухла и, видимо, сильно болела, но он проявил истинный героизм, не поехал сдаваться в поликлинику. Подполковник удерживал пострадавшую кисть на весу и только чуть касался ее другой рукой. При этом он морщился как от килограмма клюквы, замоченной в уксусной эссенции.

Вертухаи передали меня с рук на руки, разумеется под роспись, двум своим коллегам из СИЗО, людям с мрачным, я бы даже сказал, тупым выражением лица. Один – низкорослый кривоногий крепыш. Другой – громила под два метра ростом, с мощным корпусом и тощими ногами.

При этом подполковник что-то старательно объяснял неслышным шепотом дежурному офицеру следственного изолятора, который принимал меня на хранение, прямо как драгоценную вещь. Косые взгляды следователя ничего хорошего мне не обещали. Ответный шепот майора был таким же непонятным, но куда более спокойным и властным.

После этого меня сначала определили в обезьянник, который располагался здесь же, в комнате дежурного по следственному изолятору. Два вертухая получили от своего майора какое-то приказание и стремительно куда-то удалились. Вернулись они только минут через двадцать.

Дежурный офицер открыл дверь обезьянника и сказал с наигранным сожалением, выставляя напоказ свое притворство:

– Хотели тебя, как полагается офицеру, в отдельную камеру поселить. Но свободных у нас не нашлось. Все заняты. Не обессудь уж. Мальчишки нашли тебе подходящую компанию в малонаселенном помещении.

Помянутые мальчишки принесли и загрузили мне на руки подушку, одеяло, постельное белье, алюминиевую миску с ложкой и кружку. Потом они повели меня по гулким металлическим лестницам на второй этаж, где в коридоре поставили лицом к стене, стали снимать наручники.

В этой ситуации мне ничего не стоило бы дождаться завершения данного процесса. Потом я мог без всяких проблем уложить и того, и другого, надеть им на головы одеяло и постельное белье, завладеть оружием и ключами. Вслед за этим я предложил бы местным правоохранителям как можно громче объявить меня во всероссийский розыск, говоря конкретно, сбежал бы прямо сейчас, пока на улицах еще не рассвело.

Не сомневайтесь в том, что в темноте я смогу ориентироваться лучше, чем любая погоня за мной. Запросто обойдусь без всяких приборов ночного видения. Я только начал привыкать к ним. А начинал службу тогда, когда такие штуковины в нашей армии казались реквизитом из фантастического фильма. И ничего, раньше мы одними глазами обходились. Управился бы я и теперь.

В критических ситуациях у меня всегда наступает момент повышенной мобилизации организма. Тогда я бегаю так, как никогда раньше и не думал, стреляю без промаха, словно пальцем пули в цель укладываю, вижу ночью то, что другие даже с хитрыми приборами не сразу могут узреть и идентифицировать.

В случае побега мой организм мобилизовался бы сразу. Мои руки и ноги получили бы изрядный запас резкости и силы. Однако пока я не торопился с этим, желал узнать, в какую историю влип так конкретно.

Вертухай сняли с меня наручники, открыли дверь камеры и предложили войти. Но тут я почувствовал, что здоровенный бугай обязательно попытается придать ускорение моему неторопливому шагу. Я переступил порог и сразу резко повернулся боком. Абсолютно вовремя, так, словно у меня запасные глаза на затылке завалялись. Я не оглядывался, хотя со стороны могло показаться, что именно это и сделал.

Я уклонился от сильного удара, нанесенного тыльной стороной ладони. Он был направлен в плечо и нисколько не страшен. Я бы даже не побоялся формулировки «безобиден». Атака оказалась медленной, тяжелой, не имела поражающей силы. Добрый вертухай просто желал побыстрее со мной расстаться.

Я тоже часто использую основание ладони. При ударе снизу в подбородок я гарантированно устроил бы любому великану нокаут и перелом челюсти. Атака спереди в межреберье сокрушила бы достаточно крепкую грудную клетку и обеспечила бы ушиб сердца даже самому бессердечному человеку. При ударе сзади я перебил бы позвоночник противника. Попадание в голову привело бы к перелому основания черепа.

Оба последних случая чаще всего заканчиваются летальным исходом. Как и удар в область сердца, после которого лопаются один из желудочков. Следует только точно знать, куда необходимо попасть. Более того, когда удар наносится основанием ладони, рука должна не бить, а попросту стрелять так же резко, как, например, катапульта.

В момент удара, который наносил здоровенный вертухай, я всего лишь развернул корпус. Итог этого маневра оказался даже смешнее, чем я, достаточно веселый человек, думал.

Вертухай, как я заметил уже давно, при огромном и сильном корпусе был обладателем хилых ног, которые с трудом носили его тяжелое тело. Он нанес удар, считая, что его рука будет остановлена моим плечом. Но она не нашла опоры, пролетела дальше и потащила за собой корпус.

Кулак у вертухая был настолько тяжелым, что перевесил даже широченные плечи и поволок их вперед. А ноги его оказались еще слабее, чем я думал, и не смогли удержать корпус. Да еще и крепкий металлический порог помог – заставил мальчонку споткнуться.

В итоге вертухай рухнул между мной и дверной металлической рамой. Там, рядом с дверью, был расположен грязный и вонючий унитаз, вмонтированный в пол. Если бы я заранее знал о его существовании, то обязательно резко вернулся бы в прежнюю позу и при этом нечаянно чуть подтолкнул бы падающего вертухая коленом или бедром. Это естественное движение обеспечило бы ему поцелуй с парашей.

Но хорошая мысль, как всем давно известно, приходит опосля. Мне пришлось удовлетвориться тем, что у меня получилось. Но и этот результат впечатлял. Особенно тем, что подчеркивал нечаянность всех моих действий.

– Так старательно прицеливался и все-таки промахнулся! – донесся веселый голос из камеры.

Арестант смеялся над вертухаем, чем его только озлобил. Бугай встал на четвереньки, заглянул в унитаз, сплюнул туда, потом вытянулся во весь свой немаленький рост и переключился с меня на насмешника.

– Придет время, Копра, я тебя в этой же параше утоплю. Жди! – заявил он, сильно обиженный насмешкой, и резко вышел.

При этом вертухай плечом оттолкнул меня с дороги и даже не заметил этого.

Я держал на руках свое тюремное имущество и уже не имел возможности увернуться от толчка, поэтому ударился плечом в дверной металлический косяк, но сразу шагнул вперед.

Дверь за моей спиной захлопнулась со скрипом, треском и металлическим звоном. Я слышал, что в подобных местах петли специально не смазывают, чтобы они при открывании гремели, будили бы других заключенных, вызывали бы их озлобленность. Да и в случае попытки побега скрип мог бы выдать арестанта.

На трех шконках, двух нижних и одной верхней, синхронно сели и свесили ноги вниз трое моих товарищей по несчастью.

– Соседа мне доставили, – сказал тот, который только что смеялся над вертухаем.

Шконка над ним пустовала.

– Ба, да ты никак из военных будешь, – проговорил арестант, сидящий напротив него. – Ладно, хорошо, что хоть не мент. Так это про тебя, капитан, мне мой следак рассказывал. Ты какого-то парнишку, говорят, ни за что из автомата шлепнул.

Когда это ему мог рассказывать такие страсти какой-то следак, если меня задержали всего-то несколько часов назад? Такое утверждение не только навевало удивление, но и вызывало подозрения. Нельзя так глупо с военной разведкой работать. Мы не уголовники, умеем просчитывать ситуации лучше любого следака.

– За что или ни за что, с этим еще предстоит разобраться, – спокойно ответил я.

– Ладно. Знакомиться давай, – сказал первый.

– Командир роты военной разведки капитан Онучин. Если без понтов, то можно просто Максимом звать. А вообще я Максим Викторович.

– Надо же, сколько власти таким один только автомат дает! – вступил в разговор третий сиделец, тон которого был самым недоброжелательным из всех трех.

Я бы даже рискнул назвать такой тон озлобленным. Он был изначально агрессивным. Я видел, что этот человек готов был наброситься на новичка. Его останавливал только автомат, которого у меня при себе не было.

– В кого хочу, в того стреляю. Так, что ли?

Этот тип, как мне показалось, нарывался на скандал. У меня не было желания объяснять кому бы то ни было свою позицию. В данном случае это выглядело бы как попытка оправдать

себя. Этого я вообще не хотел делать даже в суде. Тем более здесь, в камере, перед каким-то уголовником.

Я не стал объяснять, что наркоторговцев, на мой взгляд, надо стрелять без суда и следствия. Я снова готов это сделать, если мне еще раз представится такой случай.

Вещей у меня с собой не было никаких, даже зубной щетки, поскольку задержали меня совсем недавно.

Поэтому я просто хотел улечься спать, не обратил никакого внимания на откровенно агрессивную речь этого субъекта и спросил:

– Моя шконка верхняя, которая свободная? Так я понимаю?

Тот арестант, который сидел под ней, ткнул большим пальцем на место у себя над головой, и я забросил туда все, что принес с собой. Но смотрел сосед на меня при этом тоже недобро, хотя поначалу именно он показался мне самым вменяемым из сокамерников, человеком, с которым можно нормально разговаривать.

Впрочем, выражение лиц моих соседей просматривалось с трудом. Слишком тусклой была лампочка над зарешеченным окном. А сама решетка даже свет звездного неба не пропускала, потому что была сварена из толстых параллельных полос металла, с внешней стороны наклоненных к земле под одним углом. Если прильнуть к окну лицом, то можно будет, наверное, увидеть, что делается во дворе СИЗО.

Впрочем, я не намеревался надолго задерживаться в этом заведении. Мне не понравилось, как меня здесь встретили. Поэтому я особо не реагировал на условия содержания.

Я хотел было забраться на шконку, которая меня ждала, но увидел руку, протянутую мне соседом снизу.

– Меня Стасом зовут. Стас Копра. На последнем слоге ударение. Это не фамилия, а погоняло. Когда его неправильно произносят, я обижаюсь. Фамилия – Копровой.

Руку я пожал, а представляться вторично не стал. Ладонь у Стаса была сильной. Но меня, тренированного офицера спецназа, крепким рукопожатием не испугаешь. Моя кисть, конечно, поменьше, но сухая, жилистая и жесткая. Стас словно испытывал меня. Я ему не уступил.

– Впервые в СИЗО?

– Надеюсь, что и в последний раз.

– Не зарекайся. Жизнь всегда по-своему нами крутит. Сейчас ты тоже не рассчитывал, а попал сюда.

– Я осознанно все делал, не убегал, хотя мог бы. Свидетелей не убирал, а ведь мои солдаты сделали бы это по одному моему знаку.

Я застелил постель, разулся и одним махом оказался на своей шконке. Но спать мне уже почему-то не хотелось. Да и отключаться, наверное, было опасно, когда рядом, на соседней верхней шконке, по-прежнему сидел уголовник, агрессивно настроенный против меня.

Даже при тусклом свете я видел, что он сплошь расписной. Татуировок не было разве что на лице. Я не знаток тюремной символики, однако слышал, что перстни на пальцах рисуются за каждую ходку. Лучи, расходящиеся от них, символизируют количество лет, проведенных в заключении.

Подсчитать все это я никак не мог. Но эта личность вызывала у меня подозрение. Как и тот тип, который сидел под ним. Я сомневался в том, что этого парня следователь таскал ночью на допрос. А днем услышать от него что-то обо мне он еще не мог.

Этот самый субъект и начал разговор, когда Стас Копра, мой сосед снизу, спокойно лег спать:

– Давай, капитан, рассказывай, за что ты мальчонку расстрелял.

Я промолчал.

– Ты не знаешь, наверное, что есть у нас такой закон. Каждый новичок, который в камеру подселается, о своем деле рассказывает, – довольно мягко проговорил расписной. – А потом

по тюремному радио про него сообщается чистая и полная правда. Так что лучше сразу не врать. Себе дорожке выйдет.

– Давай, лепи, а мы послушаем, – настаивал его сосед снизу.

– Могу и залепить! – резко проговорил я. – Готов сразу сказать, что ты насадка, на кума работаешь. Думаю, ты уже не одного нормального парня сдал.

Я, кажется, умело использовал те немногие слова из тюремного лексикона, которые знал. Вообще-то в армии они не в ходу. Более того, их употребление наказуемо. Но ведь каждый из нас, спецназовцев, живет среди людей, а они бывают очень даже разные, с каким угодно прошлым.

У меня имелся и кое-какой опыт общения с бывшими уголовниками. Когда они произносили какое-то слово, непонятное мне, я, естественно, спрашивал, что оно значит. Да мой друг детства вдруг оказался третьим уголовником. Он живет на одной лестничной площадке с моими родителями. Каждый приезд домой я с ним общаюсь, беседую.

– Фильтруй базар, – не менее резко оборвал меня расписной. – За свои слова отвечать надо. Тем более что это серьезная предьява авторитетному человеку, у которого уже не одна ходка. Его по всем зонам южного края давно и хорошо знают и в обиду не дадут. Запомни это, офицер! Ответишь?

– Готов ответить. – Я сел на шконке.

То же самое сделал и мой сосед снизу, который почувствовал, что назревает что-то серьезное.

– Он шпионит здесь у вас, а вы и уши развесили.

– Говори конкретно! – сурово изрек Копра, принимая мои слова всерьез, точно так же, как я и произносил их.

– Что он сказал, когда меня привели? Вы сами слышали. Можете припомнить его слова?

– Сказал, что ему следователь на допросе про тебя говорил.

– И назвал меня капитаном, хотя я еще не представлялся. А ему с его шконки мои погоны видно не было. Так?

– Та-ак... – протянул, как пропел, расписной. – Мне с верхней шконки их разглядеть не удалось. А уж ему-то с нижней подавно. Да, я помню. Боб назвал тебя капитаном.

– Это не главное. Идем дальше. Когда его на допрос к следаку возили?

– Не знаю, – сказал Копра. – Их двоих в мою камеру привели только за пятнадцать минут до тебя.

– Я знаю, – твердо проговорил расписной. – Мы с ним в одной камере сидели. В общей. Сразу после обеда его возили.

– Парня я подстрелил в половине восьмого вечера. А повязали меня вообще в два часа ночи. Что мог его следак знать обо мне и сказать ему?

Расписной прыгнул на пол, наклонился и посмотрел в глаза соседу снизу.

– То-то с тобой, Боб, вертухаи беседовали шепотом, – заявил он. – Говори, не молчи! Возражай, если знаешь, как это сделать. На словах ты герой, а как на деле?

Но Боб только криво усмехнулся и отвернулся к стенке. Потом он даже подушку на голову положил и к уху прижал. Нечего ему было сказать в свое оправдание.

Я снова лег на спину, как и мой сосед снизу. Только расписной долго еще бродил по тесной камере, измерял ее шагами, иногда возбужденно махал рукой, подтверждая, видимо, таким вот образом свои мысли.

Теперь мне, кажется, было можно спокойно уснуть. Так я и сделал.

Утром я, как и полагается командиру роты, проснулся раньше всех, но вовремя вспомнил, что нахожусь вовсе не в казарме. Я прыгнул на пол и сразу начал делать интенсивную

зарядку. Отжимался от пола сначала на двух кулаках, потом на одном, поочередно на правом или левом.

За этим занятием я не заметил, как проснулся Стас Копра.

– Может, ты, Макс, кое-что мне объяснишь. Видел я, как люди на кулаках отжимаются. Сам пробовал и так, и на ладонях, особой разницы не увидел. Нагрузка одинаковая. В чем тут суть?

– Когда на кулаках отжимаешься, костяшки на них набиваются. Они при ударе часто повреждаются, потому как не набиты. А после этого упражнения становятся мозолистыми. Можешь потом в стену голым кулаком молотить, руку не повредишь. – Я вспомнил минувшую ночь, подполковника Следственного комитета и от души рассмеялся.

– Чего ржешь? – спросил расписной, спрыгивая на пол.

Мне пришлось рассказать историю про подполковника и стену, с которой упали часы с кукушкой. Два моих слушателя смеялись, а Боб никак не просыпался.

– Эй! – позвал его расписной.

Боб не реагировал. Он как накрылся ночью подушкой, так под ней и спал. Расписной шагнул к нему, поднял подушку и отшатнулся. Голова Боба была свернута на сторону. Круглые безжизненные глаза тупо смотрели в стену.

– Контролера позовите! Околел Боб, – распорядился расписной.

Копра вскочил и застучал в дверь.

Вертухай, тот самый, который падал ночью, пришел сразу, словно рядом находился и ждал, когда его позовут.

Он открыл окошко, приткнулся к нему и спросил почти ласково:

– Какого хрена тебе надо? Дубинку давно не пробовал?

– Помер тут у нас один, – сообщил расписной с демонстративным равнодушием. – Совсем откинулся. Навсегда.

– Ага, – ответил вертухай так, словно ждал этого сообщения. – Сейчас фельдшера кликну. – Он даже окошко закрывать не стал и затопал куда-то в сторону.

Фельдшер, похоже, тоже по какому-то недоразумению находился рядом и пришел сразу вместе с еще одним вчерашним вертухаем. Дверь открылась. Здоровенный бугай сразу шагнул к моей шконке и, кажется, сильно удивился, увидев меня вовсе не там. Потом взгляд его упал на шконку Боба.

Но фельдшер, маленький, толстый, с седыми усами, опередил вертухая. Жирные короткие пальцы с рыжими волосами ощупали шею умершего арестанта.

– Голову ему свернули, – сделал правильный вывод фельдшер. – Ухватили одной рукой за затылок, другой за подбородок, рванули, и все. Кто здесь специалист по этой части? Вот он-то, я полагаю, и свернул.

Вертухай посмотрели на меня с явным испугом, и какая-то метла мигом вымела их за дверь. Второпях они чуть не оставили нам в соседи фельдшера. Не знаю только, по какой статье вертухай думали его сюда определить. Но он понимал, должно быть, что в камере все шконки заняты, и даже при своем округлом животе сумел просочиться в дверь, еще не прикрытую полностью. Свои шеи все эти ребята берегли очень даже старательно.

– На тебя катить будут, – сказал расписной.

– Толку от этого!.. – Я мотнул головой. – Доказать надо.

– Ты хоть спросил его, что за задание ему дали вертухай? – поинтересовался Копра у расписного, однозначно определив, кто свернул Бобу шею.

Тот криво ухмыльнулся, послушал удаляющиеся шаги в коридоре, понял, что под дверью никто не залег, и сразу признался:

– Следак со сломанной рукой велел ему любым способом узнать, куда делся рюкзак того парня, которого капитан пристрелил.

– Не было с ним рюкзака, – сказал я. – Только пакетики с наркотой. Полный карман, похоже. Даже целых два. В одном – чеки с травкой, в другом – с героином.

– Рассказывай, как там было дело! – потребовал Копра.

Я вынужден был все изложить. Откровение всегда вызывает такой же ответ. Расписной сознался в том, что он сделал, мне пришлось поступить так же. Я начал рассказ с капитана Полуэктова и водителя-рядового, попавшего в реанимацию из-за передозировки, и только потом перешел к случаю на автозаправке.

– Мент, говоришь, туда с автоматом бежал? Неужто ты не понял, что он крышевал того парня? Это же обычное дело. Такие продавцы без защиты не работают. А у мента крыша где-то повыше. Может, в Следственном комитете. Рюкзак скорее всего у мента остался. А в нем этого дерьма на несколько миллионов поместится. Может, не в наших деревянных, а в зелени, – растолковал мне ситуацию расписной. – Короче говоря, влип ты, капитан, по полной программе. Тем более что сам в сознанку пошел. Но я тут на вертухаев посмотрел. Как они сразу к твоей шконке скакнули. Думали, это ты покойник. Тогда-то я и понял, что до суда ты вряд ли доживешь. Станут из камеры в камеру переводить. Отбиваться замучаешься. Ночью спать не сможешь. Будешь ждать нападения. Они кого-нибудь подсадят. Или попытку к бегству организуют.

– Что посоветуешь? – спросил я, впрочем, не испытывая особого беспокойства.

– Это все тоже не сразу, – вмешался в разговор Стас Копра. – Сегодняшние вертухаи просто придурки. Особенно этот, с большой афишей. Но им на смену умные придут и тоньше работать будут. Тебя уберут, как только рюкзак найдут. А он, я думаю, у того мента на автозаправке. Его отследят, когда он торговать начнет. Если жадный и неосторожный, сам глупый и жена у него стерва, то сразу может этим заняться. Но способен и затаиться на какое-то время. Тогда его просто трясти начнут. Запоет мент, будь уверен. А потом уже и за тебя возьмутся.

– А что тут можно посоветовать? – сказал расписной и пожал плечами. – Только когти рвать. Передай друзьям маляву. Сам отослать не сможешь, напиши, я пошлю по своим каналам. Пусть организуют что-нибудь. Вы же спецназ ГРУ, все можете.

А я, между прочим, представлялся в камере командиром роты, но не спецназа ГРУ, а военной разведки. Конечно, допустимо, что расписной считал, будто это совершенно одно и то же, не знал, что военная разведка состоит не из одного спецназа. Но эти его слова тоже что-то значили.

– Подумаю, – сказал я, в задумчивости опустив голову.

Глава 2

Да, перелом скорее всего был многооскольчатый. Я подумал, что это вполне достаточная причина, чтобы не просто взять больничный лист, но даже в госпиталь лечь. Однако подполковник Наби Омаханович Халидов такой возможностью почему-то не воспользовался.

По следам крови на его гипсовой повязке я сразу определил, что добрые доктора делали операцию старшему следователю. Если бы перелом не был многооскольчатым, то она была бы не нужна. А здесь хирург полосовал кисть вдоль и поперек. Потом медсестра гипс наложила, чтобы осколки, составленные в единое целое на манер мозаики, хотя бы частично срослись. Лекарши наверняка пытались заставить следователя лечь в госпиталь, но он, как мне думается, отговорился необходимостью отремонтировать генеральские часы с кукушкой и от стационара отказался.

В прошлый раз он мне не представлялся, не считал нужным. Но когда меня ближе к вечеру доставили к нему на допрос, я прочитал табличку, привинченную к его двери. Ночью ее там еще не было. Видимо, Наби Омаханович только-только в кабинет заселился. Потому и не знал, что его сосед-генерал любит работать ночами.

Я подозревал, что старший следователь в моем деле – лицо заинтересованное. Но такие соображения требовалось подтвердить, а, находясь в камере, сделать это было сложно.

Да и нужно ли было этим заниматься? Как изменилась бы ситуация, в которую я угодил? Сменился бы, предположим, следователь. А кто сказал, что другой окажется лучше? Не будет готовить убийство? Это тоже не факт.

Вдобавок Халидов вполне мог договориться с этим самым другим следователем. У них здесь, как я слышал, круговая порука. Так по всей республике дело поставлено, и бороться с этим – не моя задача. Да и не по силам мне такая проблема.

Единственная польза, которую мне удалось извлечь из поездки в Следственный комитет, состояла в том, что меня отвозили туда вместе с парнем по кличке Копра, который был привлечен за ограбление дома какого-то правительственного чиновника. У него был свой допрос и следователь, у меня свой, с подполковником Халидовым. Везли нас в отдельных клетках, но толстые прутья не мешали нам разговаривать. Общались мы тихо, а вертухай, который ехал за пределами наших клеток, рядом с задней дверью, быстро заснул.

Автозак был почти новый, имел хорошие, еще не пробитые амортизаторы. В мягкой машине любого могло бы укачать. Даже Копра клевал носом, тем не менее слушал то, что я ему передавал шепотом.

Для начала я поинтересовался, давно ли он знает расписного.

– Вообще не знаю. Я ведь сказал уже, что этих двоих в камеру ко мне перевели за пятнадцать минут до твоего прихода. Но мне он показался серьезным парнем.

– Он тоже насадка. Наверное, главная, если так вот запросто своим напарником пожертвовал. Может, просто конкурента убрал.

Нас уже допрашивали по поводу ночного происшествия. Но все мы одинаково показали, что спали и ничего не слышали. Те допросы проводились прямо в СИЗО. В них участвовал сотрудник Следственного комитета, какой-то капитан, вежливый и почти испуганный. Еще бы не бояться! На него взвалили дело, раскрыть которое скорее всего будет невозможно.

Главным подозреваемым по-прежнему считался я, специалист по рукопашному бою, человек, неплохо обученный искусству сворачивать недругам шею. Но капитану следовало еще доказать, что я обрел в камере зачатого врага, которого и прикончил голыми руками. Честно говоря, я опасался, что расписной вдруг скажет, будто видел, как я вставал ночью и ходил по камере.

Здесь передо мной во весь рост поднималась дилемма. Вернее сказать, она касалась другого человека. Что было важнее для расписного: приписать мне еще одно убийство или втереться в доверие? Видимо, он выбрал второе. Не исключено, что ему на допросе, проводимом там же, в СИЗО, кто-то посоветовал поступить именно так. Втереться ко мне в доверие и узнать, куда подевался рюкзак, набитый наркотой.

Что касается капитана, то вид у него был слишком уж расстроенным. Я подозревал, что ему умышленно дали вести дело, которое раскрыть невозможно, чтобы снять с должности. Видимо, на это место уже был подобран другой кандидат, обладающий достаточными связями. Даже до меня, прежде не имеющего ни малейшего отношения к местной юриспруденции, доходили слухи о подобных методах подбора здешних правоохранителей.

– Ты уже доказал, что твой базар серьезный, когда Бобу предъявил. Что на этот раз скажешь?

– Откуда расписной знает, что я командую ротой спецназа ГРУ? А он в курсе.

– Ты же сам представлялся.

– Я назвал себя командиром роты военной разведки. А это не одно и то же. Такие подразделения существуют при каждом военном округе. Но они не имеют отношения к спецназу ГРУ. А расписной предложил мне организовать побег именно через эту контору. Я теперь думаю, что кому-то выгодно и спецназ ГРУ подставить, и найти рюкзак торговца наркотой, которого я пристрелил. Ты не подскажешь, как мне передать своим маляву, мою собственную, настоящую? Я почти уверен в том, что через каналы расписного ее все равно передадут кому-то из моих командиров. Только она будет не мной написана. Добудут где-то образец моего почерка и подделают его. Специалиста по этой части найти несложно. Самый плохой художник сумеет сделать. Можно и печатные буквы изобразить, якобы для конспирации. Значит, мне необходимо отправить свое послание по другому каналу.

– У меня в здешнем СИЗО таких связей нет, – сказал Копра. – Я сам из Ростова. Попробуй словами передать через адвоката. Только не местного, выделенного тебе бесплатно. Хорошо будет, если твое командование и сослуживцы адвоката наймут. Только учти, там, в СИЗО, кабинет для беседы с ним прослушивается. Напиши записку. Покажи ему, чтобы прочитал. Бумагу и карандаш я тебе дам. Только записку адвокату не оставляй. Как прочитает, сразу сам ее съешь.

– Только как сделать, чтобы расписной не видел?

– Его тоже, думаю, на допрос иногда возят. Хотя бы для вида должны.

Дальше нам поговорить не дали. Проснулся в своем углу у двери вертухай, заметил, что мы перешептываемся, выругался по-русски и выдал на своем языке длинную тираду, из которой мы ничего не поняли. Но он, видимо, остался доволен своей красноречивостью, поэтому больше ничего не говорил. Тем более что мы сразу замолчали.

Во дворе Следственного комитета нас со Стасом разделили. Местные вертухай повели нас в разные кабинеты.

Перед этим я остановился и посмотрел на окна третьего этажа так, словно оценивал возможность прыжка оттуда. Высоковато, конечно, но соскочить все же можно. Есть шанс даже ноги при этом не переломать – внизу мягкий газон.

Нужное окно я нашел сразу. Это было совсем не сложно, потому что следователь стоял за стеклом и рассматривал меня.

Там, в кабинете, знакомом мне еще с ночи, на столе подполковника уже не было генеральских часов с кукушкой, орущей безостановочно, без всякой усталости.

На том стуле, который прежде занимал я, сидела незнакомая мне сердитая женщина лет тридцати. Может, даже старше. По виду этой особы трудно было определить ее возраст. Серьезная дама с львиными складками на широкой переносице, признаком властной натуры.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – сказал я почти радостно. – Как ваша рука поживает? – Я показал взглядом на гипсовую повязку.

– Хорошо поживает.

– А как кукушка? Перестала орать? Устала?

– Часы обещали к вечеру сделать. – Следователь голосом показал свое недовольство моей бодростью духа. – Кстати, ты, капитан, ночью адвоката требовал. Вот тебе, получи и распишись. Из Москвы только что прилетела. Еще и в гостиницу не успела устроиться. Сразу сюда пожаловала. С вещами. Познакомься.

Женщина встала. Она оказалась одинакового со мной роста, хотя была излишне худощавой, словно высушенной, и не по-дамски жилистой. В моем понимании такие особы обычно бывают носительницами весьма злобного и сварливого характера. Но мужья как-то их терпят.

Она по-мужски протянула мне руку и представилась:

– Альбина Борисовна Самокатова. Меня просил лично ваш командующий. Юрий Петрович мне сам позвонил. Я в Москве передала коллегам два начатых дела и прилетела сюда. Вам помочь. Сейчас знакомлюсь с материалами, хотя таковых пока, по сути дела, и нет. Есть только устный рассказ следователя, да и все.

– Буду вам весьма признателен. Квалифицированная помощь мне требуется. – Я разве что ножкой не шаркнул, постарался улыбнуться как можно приветливее, хотя настроение у меня было не слишком-то радужное, несмотря на искусственный бодрый тон. – Я не думаю, что вам будет со мной сложно работать. У меня мама до пенсии была психологом. Так вот, она говорила, что я ярко выраженный экстраверт. Правда, во время службы я старался исправиться, но интроверта из меня так и не получилось.

– Я из той же обоймы, поэтому надеюсь, что нам с вами будет легко работать. Я уже передала товарищу старшему следователю все документы о допуске к делу, осталось только вашу подпись поставить.

– Под распиской об оплате ваших трудов? – осведомился я, надеясь, что эти слова так и останутся шуткой.

Я прекрасно знал, что услуги адвокатов, тем более популярных в Москве, не по карману простому командиру роты.

– Нет. Мои услуги уже оплачены. Вам осталось подписать соглашение на ведение мной защиты ваших интересов во время следствия и суда. Если вам что-то в моих методах не понравится, то вы всегда сможете отозвать свою подпись, и ваше командование сразу подберет другого адвоката. Надеюсь, так же быстро, как нашло меня. Этот человек будет так же оперативно доставлен сюда спецрейсом Министерства обороны. Я лично уже из этого делаю вывод о том, насколько вы ценный для армии человек. Значит, и для всего нашего российского общества.

Последние слова явно были сказаны непосредственно подполковнику Халидову. Он, конечно, сделал вид, что не слышит их. Следователь был чрезвычайно занят своей левой рукой, которую придерживал правой. При этом он морщился, как ни на что не годный актер. Мне подумалось, что подполковник раздумывал, не слишком ли он разошелся.

Об адвокате Самокатовой даже я слышал в связи с несколькими весьма резонансными делами. А уж подполковнику тем более следовало бы знать эту фамилию. Данное обстоятельство заставляло Халидова крепко задуматься.

Но я при этом хорошо знал, что такое сложный многооскольчатый перелом. Правда, у меня такой был только в лодыжке, когда я в пылу схватки нанес противнику хай-кик, то есть удар ногой в голову, не рассчитав дистанцию. Вместо того чтобы попасть в цель нижней частью голени, как хотел изначально и как полагается, я угодил туда лодыжкой. В результате – тяжелая травма головы у противника и жуткое повреждение ноги у меня.

Я почти месяц провалялся в госпитале, перенес две операции. Мне помогли вернуться в строй ежедневные длительные пробежки с переменной нагрузкой. Я перемежал легкий бег

интенсивными скоростно-взрывными рывками. Мышцы укрепляли кости гораздо лучше, чем это делали врачи.

Надо сказать, что я всегда отказываюсь от приема медикаментозных препаратов, предпочитаю народную медицину. По этой части у меня есть собственный хороший специалист – жена.

Но следователь, наверное, не имел под рукой такого человека. Ему стоило бы залечь в госпиталь. Однако я понимал, что какие-то моменты, связанные с моим делом, не отпускали его с рабочего места. Я уже догадывался, в чем тут дело.

– Если не будет возражений, давайте приступим к допросу, – суетливо, словно торопясь куда-то, предложил подполковник Халидов и положил на стол перед собою несколько бланков допросов.

На верхнем из них уже была заполнена шапка и даже вписан первый вопрос, который сразу же и прозвучал:

– Подозреваемый, вы признаете себя виновным в преднамеренном убийстве Абдуллы Валиевича Рамазанова?

– Кого-то я вчера, если только правильно помню, кажется, убил. Но готов честно признать, что не смотрел его документы. Поэтому не могу с уверенностью утверждать, что это был именно Абдулла Валиевич Рамазанов, – ответил я, придерживаясь прежней политики поведения, не отрицая очевидного.

– Хорошо, уверяю вас, что убит был именно гражданин Рамазанов. Постарайтесь мне поверить. А пока расскажите, что произошло вчера в половине восьмого вечера в районе автозаправки на дороге Хасавюрт – Махачкала, где вы остановились для дозаправки машин.

Я посмотрел на адвоката Альбину Борисовну. Она держала в руках диктофон и записывала на него все, что здесь говорилось.

Я опять начал свой рассказ с командира автороты Полуэктова и с водителя, который попал в реанимацию после передозировки героином. Только потом перешел к описанию того, что произошло у автозаправки. В данном случае я не сваливал часть вины на слова капитана Полуэктова, просто передавал свое эмоциональное состояние и отношение к наркомании.

По окончании допроса я прочитал протокол, согласился со всем, что в нем значилось, собственноручно начертил: «С моих слов все записано верно» – и поставил подпись.

Потом Альбина Борисовна сказала:

– Это, по сути дела, был первичный допрос, который можно было бы проводить и без меня. Но должна заметить, что мы нарушили процессуальный кодекс. Товарищ подполковник, сначала я, как представитель защиты, должна была поговорить с обвиняемым. Вдруг мне пришлось бы уговаривать его отказаться от признания факта убийства?! Я это к примеру говорю. Чтобы объяснить необходимость первичной приватной беседы адвоката и подозреваемого. Но, поскольку это был первичный допрос, я хотела бы побеседовать с капитаном Онучиным с глазу на глаз прямо сейчас. Это можно сделать в вашем здании или нам обязательно нужно ехать в СИЗО?

– Вообще-то адвокаты, как правило, беседуют с подсудимыми именно в СИЗО, – сурово и серьезно произнес следователь. – Но для прекрасной дамы я могу сделать исключение и предоставить для работы свой кабинет. Полчаса вам хватит? Я на это время удалюсь по другим делам. Вы, Альбина Борисовна, займите мое место. Кнопка вызова караульных под столешницей, вот здесь. Еще одна – на полу. – Подполковник показал их Самокатовой, подошедшей к нему. – Это на всякий случай. Но мне кажется, что капитан Онучин ведет себя спокойно, чистосердечно признается в содеянном и не будет пытаться совершить побег.

– Если вы во мне так уверены, товарищ подполковник, то зачем на первой странице уголовного дела поставили розовую диагональ? – спросил я, не удержавшись.

– Просто я подумал, что офицер спецназа ГРУ – человек опасный, потому и поставил эту линию, – отговорился следователь. – Чтобы в СИЗО за вами присматривали. Но, несмотря на мое предупреждение, вы уже и там успели, кажется, наследить.

– Никак нет, товарищ подполковник. Не наследил.

Я не собирался брать на себя чужую вину. Тем более убийство, которое совершил расписной.

Но я уже понял, что Халидов не настолько прост, как хочет показаться. Актер из него получился бы никудышный. Это я заметил еще раньше, а сейчас уже просчитал ситуацию и почти понял ее.

Не исключено, что рюкзак с наркотиками уже найден. Или же этот подполковник сто-процентно определил, что он находится, к примеру, у мента с автозаправки.

Мой следователь неспроста решил быть таким добрым и предоставил нам с адвокатом свой кабинет для разговора. Бежать отсюда, несмотря на зарешеченное окно, гораздо проще, чем из СИЗО, где полно охраны. Подполковник Халидов, добрейшей души человек, толкал меня на это.

Прямо сейчас, как только выйдет из кабинета, он наверняка поставит во дворе дополнительного охранника, чтобы тот застрелил меня, если я попытаюсь выпрыгнуть в окно. Приткнет автоматчика или даже двух куда-нибудь на крыльцо, перед входными дверями. Я выпрыгну из окна третьего этажа и приземлюсь в десяти метрах от крыльца. С такой дистанции и пьяный не промахнется. Даже два.

В том, что решетка, прибитая гвоздями к тонкой раме, не выдержит даже одного удара ногой, Халидов, должно быть, нисколько не сомневался. Как наверняка и в том, что бить ногами я умею.

Более того, следователь, как я думаю, прекрасно слышал слова Альбины Борисовны о том, что ее попросил заняться этим делом командующий войсками спецназа ГРУ. Но ведь он вполне мог бы найти и адвоката мужского пола. Почему был сделан именно такой выбор?

Подполковник наверняка сейчас подумал, что женщину будет трудно обвинить в том, что она не смогла воспрепятствовать побегу. Ей просто физически и морально никак не удалось бы это сделать. Следователь решил, что я попытаюсь убежать из его кабинета. Вот и хорошо. Очень удобный случай, чтобы от меня избавиться.

Но в моей голове тут же возник и другой вопрос. А для чего ему, собственно, так уж необходимо от меня избавиться? Это было бы понятно, если бы следователь был уверен в том, что я видел рюкзак и точно знаю, что в нем находится.

С этим моментом мне еще предстояло разобраться. Поэтому я не мог сейчас предпринимать попытку к бегству.

– Я вас на ключ закрою, – предупредил следователь. – Оставлю его караульным. Если что, вызывайте их сразу. Они парни тренированные, с любым справятся.

На этот счет я сильно сомневался, но не стал озвучивать свое мнение. Не возразила и Альбина Борисовна.

Хотя я сразу увидел в этом деле очевидный прокол. Сам подполковник не закрывался на ключ, когда беседовал со мной, не передавал его караульным, чтобы они заперли нас снаружи. Причина состояла вовсе не в том, что он мужчина неслабый и достаточно тяжеловесный. Просто это была еще одна попытка следователя подтолкнуть меня к побегу. Халидов видел, как я на подходе к крыльцу рассматривал третий этаж, искал его окно. Это наблюдение и послужило для него сигналом к действию.

Едва дверь за подполковником закрылась и ключ дважды повернулся в замке, как Альбина Борисовна вытащила из своей дорожной сумки какой-то небольшой прибор и нажала на клавишу, включая его.

– Что это? – спросил я.

– Глушилка электронных сигналов. Здесь, в кабинете, наверняка стоят микрофоны прослушивающих устройств. Скорее всего в зеркало вмонтирована видеокамера. Иначе зачем держать его в служебном кабинете. Здесь не женщина сидит. Сейчас нас никто не видит и не слышит. Мы можем говорить свободно. Кстати, насколько я знаю, в здании Следственного комитета имеются специальные помещения, предназначенные для беседы подследственных с адвокатами. Почему подполковник Халилов не пожелал предоставить нам одно из них? У вас есть мысли на этот счет?

– Есть мысли. Причем достаточно конкретные. Если вы сейчас посмотрите в окно, то наверняка увидите на крыльце пару автоматчиков. Возможно, там окажется один, но скорее всего для подстраховки – два. Мне думается, подполковник Халидов желает, чтобы я выпрыгнул из окна и меня застрелили бы при попытке к бегству. Он оценил мои навыки, характер и теперь почти не сомневается в том, что я сейчас так и поступлю.

– Значит, ему будет выгодна ваша смерть, Максим Викторович, не так ли? Объясните интерес следователя в этом.

– Вчера предварительный допрос не проводился. Товарищ подполковник показал мне два пакетика, один – с травой, второй – с желтоватым порошком. Их якобы нашли в карманах наркоторговца, убитого мною. Я должен был так подумать. Вслух он об этом ничего не сказал. Пару точно таких же пакетиков мне показывали мои сержанты, которые избили негодяя. Он желал продать отраву моим солдатам. Прошло слишком мало времени, нельзя было провести экспертизу. Тем не менее следователь заявил мне, что в одном пакетике содержалась простая трава, сорванная скорее всего рядом с каким-то домом, потому что в ней якобы есть примесь кошачьей мочи. Порошок – не героин, а только подкрашенный мел. Но сегодня, при вас, он эти пакетики предъявлять не стал и вообще не упоминал о них.

– Он сообщил вам, что Рамазанов – простой мошенник, никак не более?

– Да, ночью вопрос стоял именно так.

– Тогда я не понимаю скромности следователя, которую он проявил на допросе, состоявшемся только что.

– А я понимаю. Мне неизвестно, откуда у него появились пакетики, которые он показывал мне. Но сейчас подполковник отправил их на экспертизу и ждет заключения.

– А зачем ему это нужно?

Мне пришлось рассказать Альбине Борисовне о рюкзаке наркоторговца, пропавшем неведомо куда, и о полицейском на заправке.

– А эти сведения у вас откуда?

Теперь я вынужден был упомянуть про своих сокамерников, рассказать про смерть одного из них и допросы в СИЗО, где никто из нас не признался в убийстве уголовника, который должен был выяснить, куда подевался рюкзак. Такое поручение дал ему следователь со сломанной рукой. Разумеется, не лично, а через вертухаев.

– Вам, надеюсь, второе обвинение не предъявляют?

– Пока еще нет. Но ждать можно всего.

– Да. Тут вы совершенно правы. С вашей стороны, Максим Викторович, какие-то специальные просьбы или пожелания будут? – Альбина Борисовна встала, подошла к окну и заявила: – Так и есть, на крыльце два автоматчика стоят. Ждут вашего побега. Я, признаться, подумала, что вы преувеличиваете опасность. Это было бы естественно для человека, который постоянно рискует своей жизнью. Но теперь, пожалуй, соглашусь со всеми вашими утверждениями. Итак, ваши просьбы?..

– Вы к нам в отряд поедете?

– Обязательно. Мне необходимо поговорить со свидетелями. Я уже созванивалась с майором Оглоблиным. Он обещал посоддействовать. Очень милый человек, заинтересованный вашей судьбой. Что-то ему передать?

– Главные свидетели – сержант Лаптев и старший сержант Горюнов. Оба контрактники, то есть люди бывалые, солдаты опытные. У Горюнова были два пакетика. Один с травкой, второй с героином. Они их отобрали у наркоторговца, которого я пристрелил. Нельзя допустить, чтобы эти пакетики попали в руки подполковника Халидова. Сержантов следует поберечь, не выпускать их взвод на операции. Там легче подстроить ловушку. Снайпер может отработать по тому и другому. Если пакетики целы, то их следует каким-то образом переслать на экспертизу в другой регион. Вплоть до Москвы. Или в ФСБ. Там есть собственная лаборатория.

– Это все?

Я слегка замялся.

– Ну же, говорите.

– Неплохо было бы организовать мне побег.

– Я адвокат, поэтому не имею права передавать такую просьбу, – твердо заявила Самокатова.

– Конечно, – легко согласился я. – И майор Оглоблин не имеет права на такую просьбу отвечать. Убьют в тюрьме капитана, командира роты, и ничего страшного. Нового пришлют.

– Постарайтесь не давать врагам возможности себя убить. Я подумаю, что можно предпринять. Давайте заканчивать разговор. Вот-вот вернется следователь. Как думаете, куда он пошел?

– Конечно, в кабинет, откуда можно наш разговор прослушать и изображение с видеокамеры просмотреть.

– Я тоже так полагаю. Он уже наверняка убедился в том, что это не случайный сбой аппаратуры, установленной здесь. Сейчас подполковник возвращается к нам. Что у него, кстати, с рукой?

– Ночью попытался меня ударить. Но так уж вышло, что попал в стену, перепугал генерала, который за ней сидел. Часы с кукушкой упали на пол и сломались. Видимо, сложный перелом. Похоже, операцию сделали – капли крови на повязке. Но лечиться в госпиталь он не пожелал. Не хочет подполковник упустить возможность завладеть рюкзаком, содержимое которого может стоить несколько миллионов долларов. Такой шанс далеко не каждому следователю выпадает. Вот товарищ подполковник и решил всерьез побороться за свою финансовую обеспеченность. Кстати, Альбина Борисовна, глушилка у вас откуда?

– Мне ее перед самым отлетом доставили. Даже, кажется, минут на десять из-за этого самолет задержали. Какой-то офицер привез, объяснил, что это дает, как включать и заряжать аккумуляторы. Сказал, что это инструмент для качественной работы. Подарок от полковника Мочилова. Там, в коробке, и инструкция.

– Наш командующий может себе позволить делать такие подарки, – заметил я, отметив про себя, что участие в деле командующего спецназом ГРУ способно повлиять на ситуацию и на поведение многих людей. В частности, одного из них, давшего добро на мое задержание.

– Вы начальнику штаба нашего отряда майору Оглоблину показать глушилку не забудьте. Сообщите ему между делом, что это подарок командующего.

Глава 3

Самокатова и в самом деле была опытным адвокатом и очень даже неглупым человеком. Она совершенно правильно просчитала поведение подполковника Халидова. Тот вернулся к нам, как только Альбина Борисовна убрала в сумку свою глушилку.

Сначала в гулком коридоре послышалась его тяжелая поступь. Потом последовал разговор с вертухаями на каком-то местном языке. После чего повернулся ключ в замке. Следователь вошел и окинул нас хитрым взглядом, который ему самому, видимо, казался пронизательным.

Альбина Борисовна встала и вышла из-за стола.

– У вас все нормально? – спросил подполковник, еще не усевшись.

– Стучать, товарищ следователь, надо, перед тем как войти, – назидательно произнес я. – А то вдруг мы тут с госпожой адвокатом чем-то неприличным занимаемся?

Халидов не смутился, но окинул адвоката внимательным, слащавым и липким взглядом.

На хамство со стороны младшего по званию он внимания не обратил и сообщил мне:

– Завтра или послезавтра тебя повезут в трибунал, где будут рассматривать дело об умышленном убийстве. В военном Следственном комитете с тобой поговорят полчаса, потом за тридцать минут все документы для трибунала подготовят и заведут машину. Ты, надеюсь, от своих показаний отказываться не будешь? Приговор я могу тебе сказать заранее, без учета твоего признания или молчания. Ты будешь лишен воинского звания и уволен из армии. После чего убийством станет заниматься республиканский Следственный комитет. Судить тебя будут как человека гражданского. Но ты, видимо, это и сам знаешь, если позволяешь себе делать замечания старшему по званию.

– А почему трибунал все дело не рассматривает? – спросила Самокатова. – Есть же и военный Следственный комитет.

– У них и без того забот хватает. Кроме того, существуют рекомендации Верховного суда по процессуальным вопросам. Мы им неукоснительно следуем. Разделяем определенные функции. У кого больше возможностей для полноценного раскрытия дела, тот им и занимается. Военный трибунал в состоянии рассмотреть только дело об убийстве офицером гражданского человека и вынести свое определение. Вопросами, связанными с наркотиками, он не занимается. Они в нашей компетенции. Потому дело и ушло к нам. А вы что, товарищ адвокат, выражаете недоверие Следственному комитету республики?

– Нет, я не выражаю. Просто спросила, для информации.

Против рекомендаций Верховного суда все возражения адвоката ничего, по сути дела, не стоили. Альбина Борисовна это понимала лучше других.

– Меня на заседание трибунала в Ростов повезут? – вяло поинтересовался я.

– Ты, капитан, слишком высокого о себе мнения. Обойдемся и местным. Адвокат там, кстати, будет военный. Гражданских лиц до работы трибунала, как правило, не допускают. Это информация для товарища адвоката.

В этот раз меня сопровождали довольно опытные вертухаи. Наручники они надели, со своей точки зрения, правильно, защелкнули их за моей спиной. Потом они помогли мне забраться в машину без рук. Люди высокой культуры, мать их!..

Стас Копра сказал, что ждал меня больше получаса. Но этот парень, видимо, был философ в душе и потому сильно из-за этого не расстраивался. Он объяснил мне, что видит мало разницы в том, где ему сидеть – в камере или в машине. Наверное, в этом Копра был прав.

Я бы лично на его месте расстраивался еще меньше, потому что из машины все же проще убежать, чем из камеры СИЗО. Тем более что во время разговора с адвокатом я демонстри-

тивно, на глазах у нее вытащил из каких-то бумаг, лежавших на столе, канцелярскую скрепку и теперь в любой момент мог избавиться от наручников.

Машина поехала. Я дождался момента, когда вертухай в арестантском кунге снова задремлет. Стас видел, как я достал скрепку из рукава, распрямил ее и засунул в окантовку своих берцев. Это на случай обыска в СИЗО. Там, в обувном шве, едва ли кто-то сможет найти ее. Тем более что я подобрал на палец пыль с пола и размазал ее по канту.

Конечно, можно было бы вытащить из языков обуви алюминиевые пластины, которые я по примеру многих офицеров начал туда вставлять после того, как сломал лодыжку. Пластины можно хорошо заточить о стену, где обвалилась штукатурка и видны красные кирпичи. Правда, вертухай заметят потертую кладку при первом же шмоне, которые в камерах проводятся минимум раз в неделю, без соблюдения какого-то графика. Затачивать алюминиевые пластины можно только перед самым побегом.

Да и делать это в присутствии расписного, которого я подозревал в работе на следователя, было бы по крайней мере неосторожно. Разве что заточить первую пластину и сразу же применить ее, перерезать уголовнику горло.

Это было бы проявлением того самого тюремного садизма, который мне не нравился в принципе. Хотя разыграть из себя умалишенного и озверевшего человека всегда можно. Надо будет держать такой вариант про запас. Как следует обдумать, просчитать все возможности и использовать их.

Говорят, что лежать в смирительной рубашке чрезвычайно мучительно. Не знаю, не пробовал. Но думаю, что я сумел бы выбраться из нее. Надо сильно напрячься, оказывать пассивное сопротивление, якобы не позволять надеть на себя смирительную рубашку, а потом, когда вертухай все же напялят ее на меня, расслабиться.

Разница в объеме между напряженными мышцами и расслабленными у меня большая. Именно эта величина, насколько я знаю, определяет силу человеческого тела. Сами по себе накачанные мышцы только голову отупляют.

У меня будет достаточно времени на то, чтобы придумать нечто такое, что введет вертухаев в заблуждение. В СИЗО разрешается спать восемь часов в сутки. Арестант имеет право находиться на шконке лишь в ночное время. Днем разрешается только на табуретке сидеть. Хочешь полежать – устраивайся на полу.

Стас Копра сказал мне, что такие строгости в ходу только в малолюдных камерах, где сидят от одного до шести подсудимых. В больших помещениях, где порой на всех даже шконок не хватает, бывает и так, что люди спят по очереди. Там вертухай не придираются. Их просто пошлют подальше, вот и весь разговор. Попробуй потом узнай, кто отправил тебя по конкретному адресу, если ты даже не видел этого человека.

Но в общих камерах СИЗО сидят большей частью люди, которым грозят малые сроки за бытовые преступления. Народ посерьезнее содержится иначе. Да и в каждом изоляторе свои порядки. Где-то вообще спи хоть круглые сутки.

Копра мне много чего интересного про это рассказал. Его мнение было однозначным – хуже всего сидеть в одиночке. Там и психологически сложнее, и присмотр несравнимо строже.

Нас привезли в СИЗО.

Сначала вертухай оставили меня скучать в автозаке в гордом одиночестве. Они увели Стаса, потом вернулись за мной.

На сей раз эти ангелы-хранители сопровождали меня не на второй этаж, а в комнату дежурного. Службу там нес уже другой офицер. Сперва я угодил в обезьянник. Потом вертухай получили от дежурного приказ, отданный на незнакомом мне языке, и куда-то ушли.

Я понял, что сейчас скорее всего окажусь в новой камере, и не ошибся. Вскоре вертухаи отвели меня на третий этаж, при этом не загружали ничем, руки завели за спину и стянули браслетами.

Я все ждал, когда же эти ребята начнут меня обыскивать. Мне почему-то даже хотелось пройти эту процедуру и убедиться в том, что распрямленная проволоочная скрепка так и останется в моем берце. Но меня так никто и не обшмонал.

Из этого я сделал вывод, что начальство предупредило вертухаев о моей склонности к побегу. Они готовы к этому, боле того, просто жаждут, чтобы я совершил попытку. Тогда-то я, вероятно, и буду убит выстрелом в спину.

Третий этаж почему-то оказался не таким мрачным, как второй. Здесь стены были побелены, а не замазаны масляной краской.

Перед дверью камеры вертухаи снова поставили меня лицом к стене, открыли дверь, расстегнули наручники. Потом я оказался в своей новой обители.

Камера была двухместная – шконки в один этаж, но я являлся единственным ее постояльцем. На левой кровати лежали мои подушка, одеяло и скомканное постельное белье. На тумбочке стояли алюминиевая миска с ложкой и кружка. Все это вертухаи, видимо, принесли со второго этажа, из камеры, где остались Стас Копра и расписной, который так и не добился от меня ничего путного.

А вот застелить мне постель вертухаи отчего-то не соизволили. Я, однако, не из господ, человек военный, умею за собой ухаживать. С этим делом я управился быстро.

Но я понимал, что перевод из одной камеры в другую был осуществлен неспроста. Меня наверняка ожидал какой-то сюрприз. Утром расписной намекал на это. Мне следовало готовиться к новым испытаниям. Двухместная камера говорила о том, что здешнее начальство скоро, по всей видимости, кого-то ко мне подселит.

Так и получилось. Не прошло и получаса, как в коридоре раздались тяжеловесные шаги. По топоту я понял, что идут два вертухая. Парами они ходят, когда ведут кого-то. Но шагов третьего человека слышно не было. Наверное, он умел передвигаться тихо. Или же вертухаи вообще никого в этот раз не вели, пришли за кем-то из подследственных, чтобы сопроводить его до автозака. Но шаги стихли рядом с дверью моей камеры.

– Лицом к стене! – услышал я команду, адресованную явно не мне.

Тут же стал проворачиваться ключ в замке. Дверь открылась, и вошел парень из местных. Он нес на руках подушку, одеяло, постельное белье, миску, ложку и кружку, на меня даже не посмотрел, не поздоровался.

Дверь сразу захлопнулась. Тут же открылось окошко, в которое заглянул вертухай. Он вроде бы проследил за порядком и исчез, ничего не сказал насчет того, что я сидел не на табурете, а на шконке, словно готовился лечь спать до отбоя.

Я сразу подумал, что на третьем этаже порядки не такие, как на втором. Видимо, здесь у подследственных имелись какие-то привилегии. Даже побеленные стены коридора вроде бы говорили о том же.

Окошко закрылось, лязгнула задвижка. Я уже заметил, что на этих вот дырках, проделанных в дверях, они открываются вверх. Значит, случайно, от стука или вибрации подняться не могут и окошко не освободят. Но даже если такое и случится, то смысла в этом будет мало. Арестанту следует быть анакондой, чтобы пролезть в это окошко. Для человека оно слишком мало.

Я молча наблюдал за новым соседом, сразу оценил его сильное и гибкое, хорошо тренированное тело. Развитые мышцы были видны даже под одеждой. Подтянутый живот, постановка плеч – все это говорило о том, что передо мной спортсмен.

Парень небрежно, даже как-то развязно бросил то, что принес, на свободную шконку. Потом он сел на нее и сделал глубокий вдох с легким стоном, словно устал неимоверно. Сосед

коротко посмотрел на меня, но представиться не надумал. Так, в молчании, мы просидели около пяти минут.

Наконец этот субъект – сосед встал, потянулся, громко зевнул и вдруг с явным вызовом сказал:

– Ну и чего сидишь! Постели мне постель. Я спать хочу.

– А ты, часом, не охренел, сынок? – спросил я вполголоса, чем его сильно, кажется, удивил.

– Ты что, меня не знаешь?

Тут я окончательно убедился в том, что его удивление было совершенно искренним, ненаигранным.

– А почему я тебя должен знать? – вопросом на вопрос ответил я.

– Меня весь Дагестан знает, вся Россия и даже Америка!

– Круто берешь. Может, Дагестан тебя и знает, но я не здешний. Да и в Америке никогда не был. А в России, могу тебя уверить, много своих парней, которых стоит знать. Ты в их число неходишь. Дагестан, кстати, только маленькая часть большой России. Это я тебе урок географии даю. Ты в школе, наверное, плохо учился, если этого не знаешь.

– Я Исрафил Камалов! – наконец-то соизволил представиться он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.